

“Ни единой буквой не лгу” — таково было творческое кредо Владимира Высоцкого. Как известно, власть предрекающую не устраивала позиция певца, гражданина. И ломали Высоцкого как могли. Верней, пытались ломать.

Однажды в УБХСС Москвы раздался звонок заместителя начальника Управления музыкальных учреждений Министерства культуры РСФСР. Чиновник “культурного ведомства” порекомендовал ответственному сотруднику столичного Управления БХСС: “Обратите внимание на “левую” концертную деятельность Высоцкого”.

В Управлении по борьбе с хищениями социальности деликатное служебное задание получил молодой инспектор УБХСС Главного управления внутренних дел Москвы Евгений Александрович Немченко.

Впоследствии он сам разъяснил, в чем состояла специфика поручения:

— У всех, кто не знает ситуации тех лет, может возникнуть вопрос: “Высоцкий? При чем тут служба БХСС?”. Существовавшая тогда система концертной деятельности поражала своей нелепостью, громоздкостью, неразворотливостью, была заиклена на параграфах и инструкциях. Гастрольно-концертные “кадры” были перенасыщены абсолютно несостоятельными исполнителями. Их были сотни — безголосых певцов и певиц, занудных тещев и чтиц, маразматических музыкантов. Все они мнили себя людьми искусства, никак не хотели отлипнуть от кормушки. “Кадры” эти в административно-командном порядке внедрялись в каждый концерт, вздували до небес его стоимость, и мало кто мог себе позволить платить бешеные деньги, чтобы ради одного-двух популярных артистов терпеть зевотную скуку. Так возникла стена между подлинными мастерами искусства и массовым зрителем.

В обход стены существовал один путь — “левые” концерты. Эту дорожку давно и прочно застопорили так называемые черные администраторы. Они драли как липку и артистов, и зрителя, занимались частным предпринимательством и коммерческим посредничеством. Короче, статья 153 УК РСФСР не ржавела, скучать службе БХСС не приходилось.

ЕМУ ПРИКАЗАЛИ “ПОЙМАТЬ” ВЫСОЦКОГО

Он поймал его и... отпустил

— Отловом этой алчной публики приходилось заниматься, в частности, мне, — вспоминал Евгений Александрович Немченко. — Справедливости ради отмечу, что не так уж мало было артистов, кто сам брал на себя подпольно-администраторские функции, но участвовали в “левых” концертах практически все. Высоцкий исключением не был...

На этом факте и решили сыграть могуществен-

ные недруги поэта.

Понятно, милицейский работник энергично взялся за выполнение порученного дела: еще бы, профессиональный “зажим” нужно применить не к кому-нибудь, а к Высоцкому!

Оперативный капкан захлопнулся уже через пару дней. Целеустремленный убыхазэсник “накрыл” Высоцкого на неафишируемом концерте, про-

водившемся в Московском институте инженеров землеустройства, что у Курского вокзала. В общем, обыкновенная история. Вскоре в 627-м кабинете на шестом этаже корпуса “А” дома №38 на Петровке началась протокольная беседа инспектора с бардом.

— Сколько вам заплатили за концерт? — поинтересовался сотрудник и внимательно посмотрел на Высоцкого.

— Сколько мне заплатили? — переспросил тот. — Сто рублей. Но и бесплатно выступить бы не отказался.

— Как вы договариваетесь о сумме вознаграждения за концерт?

— Сумму никогда не оговариваю: заплатят — не откажусь, нет — что ж, не это главное, не один раз выступал просто так, не за деньги, а ради общения со зрителями. Мне нужна аудитория, сколько можно петь на магнитофон для друзей? Если зрительской аудитории не будет, для меня это творческий конец.

Инспектор продолжал гнуть свою линию:

— И все-таки сколько вы дали таких концертов?

Высоцкий задумался:

— Наверное, десять—двенадцать, может — меньше, может — больше, я не считал.

— А где они проходили?

— При желании можно вспомнить, только зачем? Я ведь ничего не отрицаю, для меня важно другое — возможность творческого общения с людьми. Легально я такой возможности не имею. Хотел бы работать, концерты официально не разрешают.

— А почему? — удивился милиционер.

— Им виднее, — коротко ответил Владимир Семенович.

— Кому — “им”?

— Стоит ли уточнять? Неужели не ясно...

Помолчав, офицер милиции спросил у собеседника о его дальнейших планах.

Тут Высоцкий несколько оживился:

— Что дальше? Да как вам ответить... Я играю в театре, снимаюсь в кино. Но без гитары, без песен просто не могу, а уж делать выводы — ваше право...

Во время беседы оперативнику мешали коллеги, у которых обязательно находился предлог, чтобы зайти в 627-й и хоть мельком увидеть легендарную личность. Впрочем, инспектору был понятен чисто человеческий интерес товарищей по службе. И с каждым словом Высоцкого у молодого оперативника крепла уверенность в правильности единственного решения. Ведь прав он, Высоцкий, во всем, тысячу

раз прав! Ну какой это делец? Ему бы петь, играть. Почему не дают такую возможность истинному таланту?.. И Немченко постановил: отпустить.

В то время он еще не был поклонником барда. Настоящая увлеченность творчеством Высоцкого пришла потом. Но лучшее из того немногого, что инспектор знал, не оставляло места для колебаний.

Пока Немченко отмечал у дежурного пропуск Высоцкого, поэт ждал его на лестничной площадке шестого этажа. Владимир Семенович уже был обрадован известием о том, что, во-первых, уголовного дела не будет, поскольку и оснований для этого не оказалось. А, во-вторых, инспектор и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела решил не выносить: мол, не было ничего — и все тут: зачем лишний раз трепать имя поэта? И, в-третьих, никакие письма и представления никуда не уйдут, а этого как раз и ждали высокие “инициаторы” оперативной разработки Высоцкого, чьи “режимные амбиции” не оправдал простой офицер с Петровки.

Отдав подписанный пропуск, Немченко полуболтыствовал:

— Как понимать “В наш тесный круг не каждый попадал”, “Не буду я больше вором и бандитом, подамся-ка лучше я в антисемиты”, “Это был воскресный день”?

— Ошибки молодости, — ответил Владимир Семенович.

■■■

На том они и расстались. Через полгода Немченко из УБХСС перевели служить в подразделение, весьма далекое от оперативной работы: во вневедомственную охрану. Не оправдал, выходит, доверия!

Затем много лет майор милиции Немченко проработал в газете “На страже” — печатном органе подмосковной милиции.

Встреча с Высоким и непредвзятое решение по его “делу”, безусловно, стоили ему служебной карьеры. Евгений Александрович Немченко, к сожалению, рано ушедший из жизни, был из числа тех офицеров милиции, кто не кривя душой мог всегда сказать два сокровенных слова: “Честь имею!” Окажись на его месте другой — карьерист и служака, еще неизвестно, как повернулась бы судьба первого барда страны, годовщину со дня рождения которого мы будем отмечать 25 января. А я подумал: “Наверное, накануне этого дня стоит рассказать о скромном простом человеке, который не дослужился до высоких чинов, зато не пошел против совести”.

Александр ТАРАСОВ.

Михаил Немченко 2002-21.01.06 - с.11